

Регион: экономика и социология, 2010, № 3, с. 115–135

ВЕКТОР ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

З.И. Калугина

ИЭОПП СО РАН

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-03-00473)

Аннотация

Изложены представления автора о посткризисном развитии аграрного сектора России, проанализированы итоги либеральных трансформаций, выделены характерные черты современной модели сельского развития, очерчено будущее российской деревни, обоснованы механизмы достижения стратегических целей будущего развития.

Ключевые слова: актуальные социальные проблемы, модели сельского развития, образ будущего российской деревни, этапы и механизмы достижения стратегической цели

Abstract

The paper presents the author's understanding of the post-crisis development in Russian rural communities; analyzes the results of liberal transformations; shows the specific features of a current rural development model; outlines what would happen to Russian rural communities in the future; and describes mechanisms for achieving the strategic goals of future development.

Keywords: urgent social problems, rural development model, image of Russian rural communities in the future, phases and mechanisms for achieving a strategic goal

В современном быстро меняющемся мире восприятие нового, адаптация к происходящим социально-экономическим, политическим, технологическим изменениям и обоснованное предвидение будущего развития становятся важнейшими факторами жизнеспособности социальных систем. Актуальность определения перспектив развития отечественного агропродовольственного комплекса и сельского развития¹ в целом обусловлена возрастанием спроса на продовольствие, а также его удорожанием в связи с ростом народонаселения на фоне ограниченности посевных площадей (а также воды, энергии, удобрений) в большинстве стран мира.

Среднесрочные тренды сельского развития России во многом предопределены как проводимой аграрной политикой, так и глобальными вызовами, обусловленными прежде всего мировым финансово-экономическим кризисом. Что касается более отдаленной перспективы, то кардинальное изменение положения дел в аграрном секторе страны потребует неординарных и нетрадиционных подходов к сельскому развитию.

ИТОГИ ТРАНСФОРМАЦИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА

Экономическая реформа 1990-х годов предусматривала радикальные преобразования в российском аграрном секторе. Она включала в себя реорганизацию колхозов и совхозов, проведение земельной реформы, развитие частного сектора аграрной экономики и была нацелена на повышение социальной активности и хозяйственной инициативы сельского населения. Трудовым коллективам было предоставлено право выбора форм хозяйствования, а каждый работник получил право свободного выхода из состава коллективного хозяйства. Сельскохозяйственные работники и ряд других категорий сельского населения были наделены имущественными и земельными паями, что обеспечило им определенный стартовый капитал для организации собственного дела на кооперативных или индивидуальных началах. В ходе реформы про-

¹ Сельское развитие включает три элемента: развитие сельской экономики, развитие сельских территорий и развитие человека.

изошла институционализация новых форм хозяйствования, ставшая основой формирования многоукладной аграрной экономики.

Эти меры должны были способствовать зарождению конкуренции товаропроизводителей на аграрном рынке. Разнообразие форм хозяйствования позволяло использовать преимущества как крупного, так и мелкого производства, сочетая возможности крупного сельскохозяйственного производства с инициативой граждан. Радикальное изменение отношений собственности должно было обеспечить перераспределение земли и прочих производственных ресурсов в руки эффективного собственника и создать предпосылки для становления частного сектора аграрной экономики, развития агросервисных и социально-бытовых услуг. Были сняты административные ограничения для развития личных подсобных хозяйств населения. Полагаясь на «невидимую руку» рынка, государство резко сократило субсидии, выделяемые из бюджета на сельское хозяйство. Например, в 1999 г. они составили 0,17% от величины ВВП против 0,52% в 1995 г. и 8,8% в 1990 г. [1].

Казалось бы, на начальном этапе реформ были созданы институциональные основы и правовая база для равноправного и эффективного развития всех форм хозяйствования на земле. Однако итоги проведенных в 1990-е годы преобразований были неожиданными (для реформаторов) и парадоксальными по своей сущности. Парадоксы аграрной реформы проявились в экспансии мелкотоварного производства, неэффективности «капитализации» аграрной экономики, разрушении трудовой мотивации работников, обнищании сельского населения, деградации социальной сферы села [2]. Падение объемов собственного производства было столь стремительным, что встал вопрос о продовольственной безопасности страны.

В последующее десятилетие аграрное законодательство было нацелено на решение проблем отношений собственности, в первую очередь земельной собственности, на совершенствование норм, регулирующих деятельность фермерских и личных подсобных хозяйств и стимулирующих развитие сельской потребительской кооперации, а также на улучшение условий кредитования сельских товаропроизводителей, организацию страхования производственных рисков. Принятые меры, безусловно, дали положительный эффект, однако пол-

ностью преодолеть кризисное состояние отрасли не удалось и до настоящего времени.

Динамика структуры производства по категориям хозяйств свидетельствует о том, что фермерский сектор не стал преобладающим хозяйственным укладом в российской деревне. Например, в 2008 г. в структуре продукции сельского хозяйства страны доля фермерских хозяйств составила 9,2%. Фермеры производят более 20% зерна, 11% сахарной свеклы, около 29% семян подсолнечника, 23% шерсти.

Произошедшее к концу 1990-х годов обвальное падение объемов производства и рентабельности продукции на реорганизованных сельскохозяйственных предприятиях в середине 2000-х годов сменилось некоторой стабилизацией, а к концу наблюдаемого периода начался их рост, хотя в целом коллективный сектор утратил свои былые позиции.

Что касается личного подсобного хозяйства, то его увеличение в период трансформации аграрных отношений не является следствием свободного выбора крестьян. Для большинства сельского населения ведение ЛПХ стало единственным способом выживания в сложных условиях реформ. Стабилизация ситуации в экономике страны в целом и сельском хозяйстве в частности, наблюдаемая с середины 2000-х годов, сопровождалась снижением объемов производства в хозяйствах населения. Если в 1990-е годы прирост производства в хозяйствах населения составлял 3–8% в год, то к середине следующего десятилетия – 1–2%. В Федеральном законе «О личном подсобном хозяйстве» от 7 июля 2003 г. ЛПХ было признано формой предпринимательской деятельности по производству сельхозпродукции, на которую распространялись такие же меры государственной поддержки, как на крупные и средние сельскохозяйственные предприятия.

В лучшем по результатам последнего десятилетия 2008 г. объем сельскохозяйственной продукции в России в сопоставимой оценке оказался на 20% ниже уровня 1990 г. Если в 1990 г. удельный вес сельского хозяйства в ВВП составлял 16%, то в 2007–2008 гг. – 4%. По данным Всемирного банка, показатель производительности труда в сельском хозяйстве, измеряемый величиной добавленной стоимости в расчете на одного работника, в России в среднем за 2003–2005 гг. составил 2037 долл. США, в то время как в США – 23 тыс. долл., в Кана-

де – 20 тыс., в Германии – 14 тыс. долл. [3]. То есть российский показатель был ниже соответствующих показателей развитых стран в 7–10 раз, тогда как к концу 1980-х годов это соотношение составляло 1:4.

На протяжении всего рассматриваемого периода росли объемы импорта продовольственных товаров. К концу 2000-х годов доля импорта в общем объеме ресурсов продовольствия РФ составляла в среднем 36%, что на 10–15% превышало порог продовольственной безопасности. По ряду продуктов российские производители не выдерживают конкуренции со стороны поставщиков импортного продовольствия не только из-за более низких показателей продуктивности и производительности, но и из-за неравных конкурентных условий. В Россию по большей части импортируется «субсидируемая» сельскохозяйственная продукция. Часть издержек на производство этой продукции компенсируется бюджетными ассигнованиями стран-импортеров.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ СЕЛЬСКОГО РАЗВИТИЯ

Бессистемность, некомплексность и несогласованность принимаемых мер, отсутствие стройной концепции развития отечественного аграрно-промышленного комплекса на перспективу сформировали специфическую модель сельского развития, которая характеризуется следующими чертами:

- хозяйственная многоукладность;
- технологическая многоукладность;
- симбиоз разных институциональных систем, характерных для реципрокной, раздаточной и рыночной экономик (институциональная «многоукладность»);
- непоследовательная аграрная политика государства;
- неравномерность и несогласованность скорости и траектории перемещения сельских территорий на пространственно-временных осях;
- высокая доля неформальной и теневой экономики;
- глубокая трансформация рынка труда;

- неготовность и невосприимчивость социальной среды к быстрым социально-экономическим переменам и инновационному развитию;
- отсутствие надежных механизмов артикуляции, реализации и согласования интересов ключевых субъектов сельского развития.

В результате неоднозначных и разнонаправленных аграрных трансформаций в России сформировалась *многоукладная сельская экономика*, основанная на разных способах ведения хозяйства и разном образе жизни занятых в ней людей. На сегодняшний день выделяют четыре основных хозяйственных уклада: 1) коллективные предприятия (производственные кооперативы, государственные предприятия, открытые и закрытые акционерные общества, другие сельскохозяйственные организации); 2) крупные агрохолдинги, базирующиеся на вертикальной интеграции агропредприятий, перерабатывающих и торговых предприятий; 3) мелкие индивидуальные хозяйства населения; 4) крестьянские (фермерские) хозяйства. Государственная статистика объединяет все сельскохозяйственные организации в одну группу, тем самым фиксируя три основных хозяйственных уклада: сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйства населения.

Границы между хозяйственными укладами весьма условны. Например, трудно провести границу между крупными хозяйствами населения и небольшими крестьянскими (фермерскими) хозяйствами. При этом вклад каждой формы сельскохозяйственного производства меняется со временем. Так, сегодня доля хозяйств населения весьма значительна и примерно равна доле коллективного сектора, в пореформенное время она превышала долю коллективного сектора, а в советские времена в личных подсобных хозяйствах производилась четверть сельскохозяйственной продукции. Возникшие новые хозяйственные формы, конкурируя между собой за земельные, трудовые и финансовые ресурсы, вынуждены вступать в кооперацию друг с другом, нащупывая эффективные способы сосуществования и выполняя взаимодополняющие и компенсаторные по отношению друг к другу функции [4, 5].

Разнообразие форм хозяйствования создает предпосылки для свободной конкуренции товаропроизводителей на аграрном рынке, обеспечивает наиболее рациональное использование земельных, трудовых и материально-технических ресурсов отрасли и, как уже говорилось, позволяет использовать преимущества как крупного сельскохозяйственного производства, так и мелкого, базирующегося на инициативе граждан. Однако это возможно только при активной политике государства, защищающего интересы всех участников агропродовольственного рынка. Практика показывает, что до сих пор отсутствуют надежные механизмы артикуляции, репрезентации и согласования интересов ключевых субъектов сельского развития. На фоне падения доверия к формальным институтам при разрешении возникающих конфликтов превалируют неформальные, в том числе неправовые, практики. Кристаллизация новых форм хозяйствования на селе сопровождается формированием маргинальных групп населения, исключенных из сферы формальной экономики. При отсутствии механизма преодоления социальной изоляции маргинальных групп их наличие служит своеобразным «запалом» социальной напряженности и социальных конфликтов в сельских сообществах.

Институциональная «многоукладность». Хозяйственные уклады базируются, по существу, на разных типах экономики, регулируемых релевантными институциональными системами². Они различаются между собой доминирующей формой собственности, основополагающими принципами распределения ресурсов и благ, механизмами взаимодействий между хозяйствующими субъектами, формой контроля и санкций за нарушение существующих норм и правил, типом трудовых отношений, доминирующей мотивацией экономической деятельности и формами обратной связи.

Подобная хозяйственная и институциональная многоукладность характерна для трансформирующегося общества, когда старые институциональные системы и уклады разрушаются, а новые еще не сформированы. В аграрном секторе России еще не завершен полностью переход от «колхозно-совхозной» экономики раздаточного (редистри-

² Об институциональных аспектах развития сельских территорий см. работу [6].

бутивного, распределительного) типа к экономике рыночной. Наряду с элементами рыночной экономики сохраняется и остается преобладающей неформальная экономика сельских домохозяйств, базирующаяся на нерыночной (реципрокной) системе взаимодействий и сетевой взаимопомощи.

Быстро меняющиеся правила игры, не устоявшиеся системы хозяйствования усиливают неопределенность и риски в аграрном секторе, способствуют дезинтеграции сельских сообществ и усложняют процесс адаптации населения.

Непоследовательная аграрная политика государства. Можно выделить три периода государственного регулирования аграрной экономики в конце XX в., характеризующихся направленностью, масштабами и формами государственного вмешательства.

Первый период, охватывающий *1990-е годы*, характеризуется активным участием государства в реорганизации коллективного сектора аграрной экономики, формированием институционального каркаса для становления новых форм хозяйствования, закреплением многообразия форм собственности, но резким ослаблением бюджетной поддержки сельских товаропроизводителей. В результате поспешных тотальных и во многом формальных преобразований коллективный сектор был разрушен, а фермерский, чуждый по духу большинству российских крестьян и быстро лишившийся государственной поддержки, так и не стал ведущим сектором аграрной экономики страны. Вся тяжесть решения продовольственной проблемы легла на плечи хозяйств населения. В короткий срок Россия превратилась в государство, импортозависимое по продовольствию.

В начале *2000-х годов* государство вынуждено было изменить свою позицию в отношении аграрного сектора: усилилась финансовая и институциональная поддержка сельских товаропроизводителей, у них расширились возможности получения кредитных ресурсов, был разработан и частично реализован приоритетный национальный проект по развитию АПК. Государственная аграрная политика этого периода была направлена на устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий, т.е. их стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции,

повышение эффективности сельского хозяйства, рациональное использование земель, повышение уровня жизни сельского населения. Положительные результаты были налицо: увеличилось производство сельхозпродукции, сократилось число убыточных сельскохозяйственных предприятий, повысилась рентабельность производства, уменьшилась нагрузка на личные подворья населения, укрепился фермерский сектор, хотя не все проблемы аграрного сектора были решены.

Третий период государственного регулирования аграрной экономики связан с влиянием на нее мирового кризиса **2008–2009 гг.** Кризис и изменение мировой конъюнктуры заставили российское государство по-новому взглянуть на агропродовольственный комплекс. Оказалось, что зерновое хозяйство страны, несмотря на кризис, динамично развивалось. За период 2000–2008 гг. валовые сборы зерновых увеличились с 65,5 до 108,2 млн т. Средний ежегодный прирост составил 3,8%. Зерновое производство с возрастающей экспортной составляющей стало прибыльным бизнесом. Экспорт зерновых, составлявший в 2000 г. 1,3 млн т (2% от валового сбора зерна), увеличился к 2008 г. до 18,2 млн т (16,8% валового сбора), что позволило России войти в тройку крупнейших экспортеров зерна после США и ЕС. В целом продукция сельского хозяйства выросла в 2008 г. по сравнению с предыдущим годом на 10,8%, а в 2009 г. по отношению к 2008 г. – на 1,2% при отрицательном росте других отраслей экономики.

В этот период государство, по существу, монополизировало экспорт зерна, создав Объединенную зерновую компанию (ОЗК) и передав на ее баланс в качестве вклада в уставной капитал 31 предприятие, находящееся в федеральной собственности, из 40 существующих в этой сфере. Эта компания наделена полномочиями государственного агента при проведении закупочных интервенций для поддержания стабильности на рынке зерна. Однако опыт 2009 г. показал, что реально ОЗК выступила не как регулятор движения товарного зерна на рынке, а как биржевой игрок, стремящийся к получению наибольшей прибыли, сыграв на понижение закупочных цен [7]. Тем самым государство не выполнило функцию гаранта для тысяч сельских товаропроизводителей, которые и в трудные времена выращивали хлеб и другую сельхозпродукцию, рассчитывая на закупочные цены, обес-

печивающие им возмещение затрат и хотя бы минимальный уровень рентабельности производства.

Таким образом, в последнее двадцатилетие аграрная политика государства характеризовалась ситуативностью, непоследовательностью и недостаточной обоснованностью, что негативно отразилось на ситуации в аграрном секторе, развитии сельских территорий и уровне жизни населения.

Технологическая многоукладность. На смену доминирующему в развитых странах пятому технологическому укладу, базирующемуся на электронике и вычислительной технике, приходит шестой технологический уклад, ключевым фактором которого являются биотехнологии и нанотехнологии, а одной из несущих отраслей, по мнению специалистов, может стать сельское хозяйство благодаря применению достижений молекулярной биологии и геной инженерии.

Готов ли российский АПК к переходу на шестой технологический уклад? Как сказались на технологическом состоянии отечественного агропрома либеральные реформы? По оценкам специалистов, доля пятого технологического уклада в России только за 1990–2005 гг. уменьшилась с 6 до 1,2%, четвертого – с 51 до 39%, тогда как доля третьего уклада увеличилась с 37 до 47%, а доля реликтовых укладов, базирующихся на энергетике человека и животных и свойственных доиндустриальной эпохе, удвоилась (выросла с 6 до 12,7%). Особенно негативными эти изменения были в российском АПК [8].

Таким образом, аграрная реформа вместо модернизации сельскохозяйственного производства привела к его архаизации. Это проявилось в экспансии мелкотоварного производства, основанного на архаичной системе хозяйствования: преобладании тяжелого немеханизированного труда, высокой трудоемкости, натурализации и потребительском характере производства, вовлечении в его сферу всех членов сельской семьи, включая стариков и детей. Следствием стали архаизация всего сельского образа жизни и депрофессионализация кадров. Совершенно очевидно, что технологическая отсталость всей отрасли, усугубившаяся мировым экономическим кризисом, не может быть преодолена без активного участия государства. Истощенным в период радикальных аграрных преобразований сельскохозяйственным пред-

приятиям и формирующемуся фермерскому сектору эта задача вряд ли под силу.

Что касается масштабного производства генетически модифицированной продукции, характерного для шестого технологического уклада в АПК, то оно не является бесспорным для России. Располагая третьим по величине (после США и Индии) земельным фондом, пригодным для производства продуктов питания, Россия может сосредоточить свои усилия на производстве экологически чистой сельскохозяйственной продукции, пользующейся спросом у населения богатых стран. Хотя организация органического производства в промышленных масштабах – дело хлопотное, отечественный опыт создания биоферм уже имеется (см., например, [9]).

Неравномерность и несогласованность скорости и траектории перемещения сельских территорий на пространственно-временных осях. Специфика России, по мнению специалистов, заключается в неравномерном и неодновременном прохождении стадий сельского развития в разных уголках огромной страны, так что даже в пределах одного региона можно зафиксировать существование разных типов хозяйствования на земле [10, 11]. Наши расчеты, выполненные по Новосибирской области, подтверждают данные выводы [12, 13]. Наряду с районами-лидерами с высоким уровнем социально-экономического развития существуют группы слаборазвитых и маргинальных районов с преобладанием мелкотоварного производства.

Возврат к мелкотоварному производству, характерному для менее развитых районов, как бы останавливает ход времени, обращает его вспять в данной географической точке, на данной территории. Иначе говоря, происходит пространственно-временная реверсия.

Глубокая трансформация рынка труда. Эта черта современной модели сельского развития проявилась в дестандартизации и флексибилизации занятости, широком распространении неформальных и теневых видов занятости, угрожающих масштабах общей и регистрируемой безработицы.

Дестандартизация и флексибилизация (гибкость) занятости. Реорганизация коллективных хозяйств, становление новых форм хозяйствования, технологическое обновление производства сопровождается

лись сокращением, а точнее сказать, разрушением системы постоянной гарантированной занятости и широким распространением нестандартных гибких форм занятости: отходничества, сезонных, временных, разовых, случайных, общественных работ, различных видов самозанятости. Самозанятые сочетают в себе черты предпринимателя и наемного работника. Распространенной формой самозанятости на селе является труд в личном подсобном хозяйстве. Сегодня расширился спектр работ, выполняемых на дому, а также по совместительству.

Новым явлением для российского рынка труда стали такие нетрадиционные формы занятости, как дистанционная занятость, самостоятельное предоставление услуг разного рода независимыми, как правило, высококвалифицированными профессионалами, не состоящими в штате какой-либо организации. Это так называемый «фриланс». Сельский фриланс носит вынужденный характер и обусловлен масштабным высвобождением рабочей силы в аграрном секторе, приходом новых инвесторов, проводящих жесткую кадровую политику, сужением сферы приложения труда, банкротством многих сельскохозяйственных предприятий. Сельские фрилансеры – это длительно безработные, использующие любые возможности, чтобы заработать по найму у частных лиц, фермеров, на предприятиях, выезжая на вахту, на лесозаготовки и т.п. Новые формы сельской занятости основаны на индивидуально-семейных стратегиях действий на рынке труда, в частности на формировании индивидуального или семейного «портфеля работ». Портфель работ – это набор видов деятельности, которые осуществляются индивидом или семьей на протяжении определенного времени.

Нетрадиционные формы занятости слабо регулируются государством, они связаны с высокими рисками, отсутствием социальных гарантий, нестабильностью доходов, ограниченностью возможностей для карьерного роста и другими негативными последствиями. Следует отметить слабую изученность новых явлений на современном российском рынке труда.

Чрезмерные масштабы занятости населения в неформальном секторе экономики. Резкое ухудшение ситуации на сельских рынках труда, трудности, с которыми сопряжено получение статуса безработного, и ограниченная социальная помощь людям, лишившимся основ-

ного источника средств существования, обусловили развитие неформальной занятости (самозанятости) населения. Наиболее распространенной формой самозанятости сельского населения является ведение личного подсобного хозяйства.

По Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. насчитывалось 22,8 млн личных подсобных и других индивидуальных хозяйств, где производится около половины сельхозпродукции. По данным статистики, за счет ЛПХ формируется четверть располагаемых ресурсов домашних хозяйств селян.

В последнее время в России широкое распространение получила *теневая занятость*, которая не отражается в официальных документах – контрактах, трудовой книжке или хозяйственных договорах и не регистрируется официальной статистикой. Исследования [14] показали, что в этой форме занятости заинтересованы как работодатели, так и работники. Многие из них имеют статус безработных, получая пособие по безработице, а работодатели не платят социальный налог.

Высокий уровень регистрируемой и общей безработицы. По данным выборочного обследования населения по проблемам занятости, в России уровень безработицы в сельской местности в 1,5–2 раза превышал аналогичный показатель для городской местности. Но темпы прироста численности безработных на селе были ниже, чем в городе. В феврале 2009 г. численность городских безработных увеличилась по сравнению с ноябрем 2008 г. на 42,2%, а сельских – на 21,3%. Среди безработных примерно 10% составляли граждане, которым не мог быть присвоен статус безработного в органах службы занятости населения. Из них 43% составляли лица старше или моложе трудоспособного возраста, 39% – находящиеся в трудоспособном возрасте студенты и учащиеся очных образовательных учреждений и 18% – пенсионеры по возрасту, выслуге лет или на льготных условиях. Все эти категории в обследуемый период занимались поиском работы и были готовы приступить к ней, т.е. отвечали критериям для отнесения их к безработным по методологии МОТ.

В настоящее время на карте страны появилось немало деревень, где нет крупного работодателя, способного обеспечить постоянной работой основную часть трудоспособного населения и регулярно выплачи-

вать заработную плату. Жители таких деревень лишены возможности найти оплачиваемую работу в сфере легальной экономики, им недоступно элементарное социальное и бытовое обслуживание, они существуют в основном за счет своего подсобного хозяйства, а иногда вынуждены прибегать к нетрадиционным, в том числе криминальным, способам выживания. Оторванные от внешнего мира из-за неразвитости транспортных коммуникаций и дороговизны транспортных услуг, сельские сообщества, проживающие на таких территориях, постепенно превращаются в депривированные социальные анклав.

Неготовность, невосприимчивость социальной среды к быстрым социально-экономическим переменам и инновационному развитию. Анализ показал, что условия воспроизводства человеческого потенциала сельского населения заметно хуже по сравнению с таковыми для населения городского, что негативно сказывается на человеческом развитии, измеряемом уровнем образования, доходов и продолжительностью жизни населения. Так, если к середине 1990-х годов практически исчезли различия между продолжительностью жизни городского и сельского населения (соответственно 64,7 и 64,2 года), то к началу 2000-х годов средняя продолжительность жизни у селян была заметно меньше, чем у горожан, и составила у мужчин 57,8 года, а у женщин – 71,2 года, тогда как у городского населения – соответственно 59,2 и 72,3 года. В середине 2000-х годов эта разница не сократилась.

Несмотря на положительные тенденции последних лет, в сельском хозяйстве оплата труда работников остается самой низкой среди отраслей экономики. Номинальная заработная плата в аграрной отрасли составляет примерно 45% от средней заработной платы по всей экономике и не превышает минимальный потребительский бюджет, необходимый для воспроизводства рабочей силы на восстановительном уровне³, что отрицательно сказывается на качестве рабочей силы.

³ Согласно методике Всероссийского центра уровня жизни, минимальный потребительский бюджет в денежном выражении, равный примерно двум прожиточным минимумам (ПМ), позволяет на минимальном уровне удовлетворять потребности человека в питании и приобретении более широкого набора непродовольственных товаров и платных услуг, чем в составе прожиточного минимума, и обес-

Распределение численности занятых в экономике Российской Федерации по видам экономической деятельности и уровню образования в 2007 г., %

Уровень образования	Занятые в экономике	Занятые в сельском хозяйстве
Высшее профессиональное	27,8	7,5
Неполное высшее профессиональное	1,5	1,0
Среднее профессиональное	25,9	15,6
Начальное профессиональное	17,6	17,4
Среднее (полное) общее	21,5	36,5
Основное общее	5,3	19,8
Не имеют основного общего образования	0,2	2,3

Источник: Российский статистический ежегодник. 2008: Стат. сб. / Росстат. – М., 2008. – С. 142.

В общественном мнении существует миф о том, что сельские жители получают несметные доходы от личного подсобного хозяйства. Однако расчеты показывают, что для сельской местности характерна высокая концентрация бедности. По данным за I кв. 2009 г., доля семей с доходами ниже прожиточного минимума на селе в 2,5 раза выше, чем в городе.

Структура потребительских расходов селян с высокой долей затрат на питание и низкой – на оплату услуг (39,1 и 21,2% соответственно против 29,1 и 22,4% у горожан) также свидетельствует о бедности сельского населения. Если в городской местности затраты на организацию отдыха и культурные мероприятия в I кв. 2009 г. составляли 6,2% потребительских расходов семьи, то в сельской – 4,2%, а на образование – соответственно 1,9 и 1,8% [15].

Низкие доходы сельских жителей сокращают их возможности дать детям хорошее образование. По данным переписи населения

печивает восстановительный уровень потребления. Бюджет высокого (по современным стандартам – среднего) достатка, равный примерно 6 ПМ и выше, позволяет удовлетворять рациональные физические и духовные потребности населения и обеспечивает развивающий характер потребления.

2002 г., 7% селян (в возрасте от 15 лет и старше) имели высшее образование, 20,8 – среднее профессиональное, 17,7% – начальное профессиональное. В городе же уровень профессионального образования населения был значительно выше: 24,5; 28,8; 11,5% соответственно. Более половины сельских жителей не имели никакого профессионального образования, а у 17% селян образование ограничивалось знаниями в пределах начальной школы. Неблагоприятные тенденции сохранились и в последующие годы (см. таблицу).

Большую роль в восприятии нового на селе играют социокультурные факторы, обусловленные, с одной стороны, природной крестьянской осторожностью, а с другой – негативным социальным опытом, приобретенным сельскими жителями в ходе реформ.

КОНТУРЫ БУДУЩЕЙ МОДЕЛИ СЕЛЬСКОГО РАЗВИТИЯ

Предшествующие исследования, базирующиеся на представлениях о многофункциональности сельских территорий, многопрофильности и многоукладности сельской экономики, приоритетности задач человеческого развития, позволили ответить на три взаимосвязанных вопроса: во-первых, являются ли сельские территории гомогенным объектом стратегических разработок; во-вторых, в чем состоит предмет стратегических разработок применительно к сельской местности; в-третьих, неизбежна ли смена парадигмы сельского развития при переходе от среднесрочной перспективы к долгосрочной [12, 13]. Главные выводы заключаются в следующем.

Первый вывод: единой модели обустройства сельского хозяйства и одинакового комбинирования разных форм хозяйствования для такой огромной страны, как Россия, быть не может, так как разные субъекты Федерации, разные регионы развиваются по разным траекториям, занимают разные пространственно-временные позиции и, по сути, представляют собой разные социальные миры.

Второй вывод, вытекающий из анализа современных концепций сельского развития, касается переплетения, взаимозависимости и значимости социальных, экономических и природных факторов в разви-

тии сельских территорий. Это обусловило, с одной стороны, необходимость комплексного подхода при решении стратегических задач сельского развития, а с другой – определило предмет стратегических разработок применительно к сельским территориям, включающий в себя три основных элемента: развитие сельской экономики, развитие сельских территорий и развитие человека.

И наконец, третий вывод состоит в том, что переход страны к рынку, резкое снижение роли государства в решении социально-экономических задач, необходимость кардинального изменения положения дел в аграрном секторе страны с целью обеспечения ее продовольственной безопасности требуют поиска и нахождения новых источников сельского развития. В соответствии с этим в отдаленной перспективе необходима и смена парадигмы сельского развития. Ее суть заключается в смене ориентиров – переходе от государственного патернализма к саморазвитию с опорой на внутренние ресурсы и сбалансированное партнерство государства, бизнеса и населения.

Образ будущего российской деревни видится в следующем:

- диверсифицированная сельская экономика;
- производство экологически чистой сельскохозяйственной продукции;
- широкий выбор сфер занятости для населения;
- уровень оплаты труда в сельском хозяйстве не ниже среднего в экономике страны;
- соответствие реальных доходов сельского населения стоимости жизни;
- весомый средний слой населения;
- благоустройство сельских территорий на уровне современных стандартов, преимущественно малоэтажная застройка усадебного типа;
- развитое самоуправление сельских территорий;
- доминирование самобытного неурбанистического образа жизни при повышении социальной и территориальной доступности всех видов материальных и духовных благ.

МЕХАНИЗМЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ

Достижение стратегической цели сельского развития с опорой на внутренние ресурсы может быть обеспечено с помощью институциональных, экономических, организационных и социальных механизмов, к которым относятся следующие:

совершенствование институциональной среды. Здесь предполагается уточнение, дополнение и согласование земельного, водного и лесного кодексов;

закрепление и защита прав собственности. По мнению исследователей, главной причиной экономических неудач бывших социалистических стран является неразвитость института собственности. В первую очередь это касается собственности на землю. Как следствие, земля в настоящий момент не является предметом залога. Ущербное оформление прав собственности, неотработанность и пробуксовка механизмов их защиты тормозят рыночные преобразования (см., например, [16, 17]);

диверсификация экономики как способ устойчивого развития сельских территорий, предусматривающая диверсификацию видов продукции и диверсификацию видов деятельности. Последняя включает в себя развитие местной промышленности, организацию переработки сельхозсырья и дикоросов, лесопереработки, развитие сферы торговли и услуг, в том числе придорожного сервиса, создание зон рекреации и туризма на территориях с уникальными природно-климатическими условиями, развитие производственной и рыночной инфраструктуры, размещение на сельских территориях промышленных производств;

развитие и эффективное использование человеческого потенциала на базе расширения высокотехнологичного сегмента экономики, повышения уровня оплаты труда, так чтобы она была не ниже минимального потребительского бюджета (в денежном выражении это примерно два прожиточных минимума), расширения и диверсификации сфер занятости, создания условий для трудовой и профессиональной мобильности, улучшения качества рабочих мест, преодоления диспропорций на локальных рынках труда, вовлечения неработающего населения в трудовую деятельность, противодействия безработице

среди сельской молодежи, развития социальной инфраструктуры, повышения социальной доступности общего и профессионального образования. Главной движущей силой в достижении целей социально-экономического развития сельских территорий должен стать средний класс, который сейчас на селе находится в зародышевом состоянии из-за обнищания основной массы сельского населения, снижения качества жизни и сокращения социальной доступности образования;

развитие бизнес-среды и улучшение инвестиционного климата на основе организационной, правовой и ресурсной поддержки предпринимательства, создания интегрированных производственно-бытовых структур для развития малых форм хозяйствования, а также поддержки социальных инициатив бизнеса;

модернизация условий жизнедеятельности населения путем наращивания темпов и масштабов малоэтажного жилищного строительства, повышения комфортности условий проживания, развития социальной инфраструктуры в стационарных и мобильных формах, повышения доступности социальных услуг, развития транспортных коммуникаций и средств связи;

повышение конкурентоспособности сельских территорий за счет использования внутренних ресурсов (земельных, лесных, водных, рекреационных, трудовых ресурсов и полезных ископаемых) и привлечения внешних инвестиций для укрепления экономического потенциала;

сохранение сельского уклада жизни на основе формирования новых стандартов сельского образа жизни, сохранения традиций, культуры и морально-нравственных основ сельской экономики, усиления сплоченности и солидарности сельских сообществ, интеграции села в социально-экономическое пространство страны, формирования в общественном мнении положительного образа российского крестьянина;

оптимизация системы сельского расселения с позиции рационального размещения производства, гармонизации интересов города и села, сохранения сельского уклада жизни населения, обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности страны. Сохранение неурбанистического уклада жизни в сельской местности послужит дополнительным фактором привлекательности сельской

местности не только для туристов и отдыхающих, но и для горожан, предпочитающих тихий, размеренный уклад жизни. Опыт развитых стран и современной России демонстрирует новые типы расселения, когда вокруг мегаполисов возникают пригородные поселения-спутники, превращающиеся в спальные районы и зоны отдыха для обеспеченных слоев населения, готовых вкладывать деньги в создание семейных усадеб, загородных домов и дач. В таких поселениях формируется специфическая инфраструктура по снабжению и обслуживанию горожан. Только сочетание сельского уклада жизни с современным уровнем обслуживания и благоустройства обеспечит стабильный приток городского населения в сельскую местность на отдых, лечение, с целью туризма. Опыт западных стран свидетельствует о том, что так называемые «неперспективные», проблемные сельские территории могут сыграть важную роль в общественном разделении труда, поскольку именно вследствие экономической отсталости этих территорий на них сохраняются ареалы дикой природы, очаги народных промыслов и ремесел, благоприятная экологическая обстановка. Только нестандартный инновационный подход к развитию таких территорий, как показывает мировой опыт, дает заметный социальный и экономический эффект [18];

формирование эффективной модели государственного регулирования АПК, адекватной вызовам времени и обеспечивающей: систему государственных гарантий для сельских товаропроизводителей; сбалансированность ценообразования на основные виды сельскохозяйственной продукции с нижним пределом рентабельности; справедливое распределение прибыли между товаропроизводителями, перерабатывающими предприятиями и торговыми организациями; реализацию антимонопольного законодательства, регулирующего взаимодействие сельских товаропроизводителей с поставщиками энергоресурсов, переработчиками и перевозчиками сельхозпродукции.

Литература

1. **Растянный В.Г., Дерюгина И.В.** Модели сельскохозяйственного роста в XX веке: Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. – М.: Изд-во ИВ РАН, 2004. – 640 с.

2. **Калугина З.И.** Парадоксы аграрной реформы в России: Социологический анализ трансформационных процессов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2000. – 196 с.
3. **Сычев М.Ф.** Проблемы развития аграрного сектора региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 3(7).
4. **Фадеева О.П.** Сельские предприниматели в местном сообществе // Регион: экономика и социология. – 2003. – № 3. – С. 140–162.
5. **Калугина З.И., Фадеева О.П., Давыдова И.А., Франкс Дж.** Сельские сообщества в условиях многоукладности: проблемы взаимодействия и согласования интересов // ЭКО. – 2004. – № 10. – С. 124–143.
6. **Барлыбаев А.А., Айдарбаков Ф.Ф., Рахматуллин И.М.** Развитие сельских территорий в постсоветский период: институциональный аспект [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2009/5/08> (дата обращения 01.06.2010).
7. **Дерюгина И.В.** Аграрный сектор России: циклы и кризисы 1998–2009 годов // Вопросы статистики. – 2010. – № 3. – С. 65–69.
8. **Захаров А.Н.** О перспективах развития российского АПК [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2008/10/30/0000325017/zaharov.pdf> (дата обращения 01.06.2010).
9. **Борисова Е.** Мясной букет // Эксперт. – 2010. – № 13. – С. 27–36.
10. **Нефедова Т.Г.** Социально-экономическая и пространственная самоорганизация в сельской местности // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 35–61.
11. **Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.** Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991. – 176 с.
12. **Калугина З.И., Фадеева О.П.** Контуры будущего сибирской деревни // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 4. – С. 141–158.
13. **Калугина З.И., Фадеева О.П.** Российская деревня в лабиринте реформ: Социологические зарисовки. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. – 291 с.
14. **Россия**, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 2003. – 728 с.
15. **Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в I квартале 2009 года: По итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств.** – М.: ФСГС, 2009. – 73 с.
16. **Сото Э., де.** Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире: Пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. – 272 с.
17. **Шагайда Н.И.** Особенности оборота сельскохозяйственных земель в России: институциональный анализ. – М.: ВИАПИ, 2006. – 225 с. – Сер.: Энциклопедия российских деревень.
18. **Прауст Р.Э.** К вопросу об инновационных стратегиях развития проблемных сельских территорий России // Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса. – М.: ВИАПИ, 2008. – С. 327–330. – Сер.: Энциклопедия российских деревень.